

Как Пифагор придумал цифровую Вселенную

Мифы и легенды о Пифагоре приобрели невиданный масштаб еще в глубокой Античности, так что разобраться, кем же действительно был этот великий мыслитель, якобы умевший летать, останавливать бурю и отговаривать быков есть бобы, невозможно. Зато точно можно сказать, что учение его оказало огромное влияние не только на древнегреческую, но и всю европейскую культуру, а учение Пифагора о числах, из которых состоит всё на свете, возможно, предвосхитило современную цифровизацию, виртуализацию и появление искусственного интеллекта. Читайте очередной очерк Рустама Галанина о великом древнегреческом философе-маге.

Когда речь заходит о Пифагоре, то те, кто учился в школе «как все», обычно вспоминают таблицу умножения, украшающую заднюю обложку школьной тетрадки в клетку, а те, кто учился хорошо или на отлично, вспомнят, возможно, даже геометрическую теорему, носящую имя философа и заключающуюся в том, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Однако Пифагор известен не только или даже не столько этим, сколько тем, что задолго до современных айтишников и корифеев Кремниевой долины создал свою собственную — всецело числовую и цифровую — Вселенную, равно как известен он и тем, что первым из людей открыто назвал себя «философом».

Пытаться реконструировать историческую биографию Пифагора — дело совершенно безнадежное, ибо уже в Античности о нем были известны исключительно легенды и чудеса. Связано это не просто со случайными обстоятельствами, которые похоронили достоверность под пеплом истории, но в первую очередь с природой самого пифагорейского религиозного союза — всецело эзотерической.

Как пишет Вальтер Буркерт, так случилось потому, что «с самого начала его влияние в основном переживалось в атмосфере чуда, таинственности и откровения».

Поэтому последуем и мы за античным воображением, рассматривая чудеса его жизни и пытаясь выделить из них хоть какое-то рациональное содержание.

Считается, что отцом Пифагора был некто то ли Мнесарх, то ли Мнемарх, по специальности каменотес, а по происхождению — то ли уроженец о. Самос (то есть грек), то ли этруск, то ли вообще — сириец, который лишь переселился на Самос, но вовсе не родился там. Поговаривают также, что этот Мнесарх вовсе не был отцом Пифагора, но что отцом его был сам бог Аполлон, и в подтверждение этому философ Ямвлих, живший в 4 в. н. э. (то есть примерно спустя тысячу лет после рождения Пифагора), в своем сочинении «О пифагорейской жизни» приводит эпиграмму какого-то самосского поэта, который то ли сам эту байку и выдумал, то ли лишь облек ее в поэтическую форму. Вот она:

Фебу, Зевесову сыну, рожден Пифагор Пифаидой,
Той, что в самосской земле всех затмевала красой.

(Пер. М. Гаспарова)

Рос Пифагор юношей красоты неписанной, поэтому многие вовсе не удивлялись тому, что он сын божий, да и характером он был спокоен, кроток, безмятежен и размерен, «не поддаваясь, — как пишет Ямвлих, — ни гневу, ни смеху, ни зависти, ни соперничеству, ни какому-либо другому волнению или торопливости». Молва о чудо-отроке, который провел свое детство в обучении у кифариста, художника и атлета, в скором времени достигла уже известного нам Фалеса Милетского и Анаксимандра, и когда власть на острове Самос захватил тиран Поликрат (538 г. до н. э.), то, чуя неладное, Пифагор ночью бежал с острова и отправился к ним в Милет. Некоторое время он пробыл у них в учениках, а затем, по совету Фалеса, отправился в Египет, в город Мемфис к тамошним жрецам учиться математической и прочей премудрости. Неизвестно, был ли на самом деле он в Египте, равно как неизвестно, бывал ли там до него сам Фалес, а позже — Платон, зато известно точно, что всё премудрое, таинственное, великое, загадочное и мистическое античным воображением всегда размещалось на территории Египта, а точнее —

у египетских жрецов как древнейших хранителей общечеловеческой и шире — космической — мудрости.

Войдя в доверие к жрецам благодаря ходатайству за него Поликрата (не такой уж и плохой тиран оказался!) перед фараоном Амасисом (570–526 гг. до н. э.), он проучился у них 22 года, усердно осваивая геометрию и математику, а затем попал в плен к персидскому царю Камбису, который завоевал Египет (524 г. до н. э.) и увел Пифагора в Вавилон. Там в течение 12 лет он учился у персидских магов науке о числах и музыке, а затем, в возрасте то ли 40 (согласно Порфирию), то ли 56 лет (согласно Ямвлиху) вернулся на Самос к Поликрату, где в горной пещере основал школу, предаваясь там философским беседам с друзьями дни и ночи напролет. Скоро, однако, тирания Поликрата стала Пифагора раздражать, и он перебрался в Южную Италию, в город Кротон. Появившись там, он своей степенной наружностью и философскими речами привлек к себе множество учеников и последователей. Здесь же он познакомился со своей будущей женой Феано. Увидев, что города Италии терзаемы междоусобной бранью и находятся друг у друга в рабстве, он, как сам, так и через своих последователей, дал этим городам хорошие законы, водворив тем самым желанный мир.

В это время чудотворные способности Пифагора проявились со всей силой, и он, подобно св. Франциску Ассизскому или Серафиму Саровскому, стал обращаться с увещаниями даже к диким зверям.

Так, он приручил одну медведицу, разорявшую окрестности, кормил ее и гладил, а потом, взяв с нее клятву, что больше она не будет мучить людей, отпустил с миром восвояси. Другой случай произошел с Пифагором, когда он увидел, что какой-то бык на лугу жует стебли бобов, что по пифагорейским законам делать строжайше запрещено. Подойдя к пастуху, он сказал, чтобы тот приказал быку немедленно перестать жевать бобы, пастух же, сославшись на то, что не умеет говорить по бычачьи, поднял Пифагора на смех, тогда последний сам подошел к быку и на каком-то ему одному и быку ведомом языке прошептал ему в ухо, чтобы тот не смел более прикасаться к злосчастным бобам. Бык, вняв увещаниям, немедленно бросил бобы и ушел в храм Геры, где стал священным быком, которого прикармливали благочестивые паломники (Порфирий. «Жизнь Пифагора»). Вдобавок к этому Пифагор умел, подобно Будде, присутствовать одновременно в разных далеко отстоящих друг от друга местах и, будучи убежденным в реальности переселения душ, мог пересказать все свои прошлые биографии (ибо когда-то, согласно легенде, испросил у Гермеса дар помнить все свои перерождения), когда душа его пребывала, как он утверждал, в иных человеческих телах. Ко всем этим свойствам следует присовокупить стандартный набор услуг, оказываемый любым уважающим себя чудотворцем: предсказание землетрясений, прекращение эпидемий, укрощение ливней и градов (либо, наоборот, вызывание дождей в случае засухи), укрощение речных наводнений и морских бурь, способность прекращать ураган, ну и — понятное дело — умение летать по воздуху.

Так и жил себе Пифагор со своими учениками, поучая и духовно окормляя людей, и жил бы еще дольше, если бы — как это обычно случается со всеми богочеловеками — против него и его священной общины, из-за зависти к их славе и образу жизни, не созрел заговор, во главе которого стоял знатный кротонец Килон. В один прекрасный день, когда друзья Пифагора в Кротоне собрались в доме своего друга атлета и полководца Милона (который, говорят, съедал в день 10 кг мяса, столько же хлеба, и выпивал 10 литров вина, за что Аристотель и прозвал его *πολυφάγος* — обжора), заговорщики подожгли дом, и почти что все активные члены — около 40 человек — пифагорейской общины сгорели. Пифагора, как говорят, в это время не было на месте, но когда он узнал о случившемся, то добровольно удалился в святилище муз в город Метапонт, где и уморил себя голодом, оставаясь 40 дней

без пищи (мы помним, что Иисусу Христу, который, будучи искушаем Дьяволом, провел 40 дней в пустыне без вкушения пищи, подобная голодовка не принесла какого-либо ощутимого вреда).

По другой версии Пифагор был всё же в этом доме, и когда всё горело, его друзья бросались в огонь, чтобы он мог по их телам выбраться из пожара, но когда Пифагор выбрался из огня и осознал, что все его товарищи погибли, то, впад в отчаяние, лишил себя жизни.

И поскольку члены пифагорейского союза стояли во главе многих городов Великой Греции (Южной Италии), то после этого пожара (либо, наоборот, до) началась серия «антипифагорейских» мятежей, охватившая все эти города. Причину этих мятежей установить довольно сложно, но обычно выделяют две (ср. Жмудь Л. Пифагор и ранние пифагорейцы): 1. Раскол внутри самого пифагорейского союза. 2. Тиранических характер, который приобрела власть пифагорейцев на местах.

Такова краткая биография Пифагора, и пусть читатель сам поразмышляет, что из всего этого могло быть правдой, отражающей исторические реалии, а что явилось следствием пестрого — склонного, как и сейчас, верить в чудеса — античного воображения. Мы же перейдем к рассмотрению философской составляющей эзотерического — уже вполне реального и вовсе не сказочного — учения Пифагора и образа жизни в его общине.

Устройство пифагорейской общины

Человеку, который хотел вступить в пифагорейский союз и стать его полноценным членом, приходилось, подобно послушнику в монастыре, пройти довольно серьезные испытания. Следует отметить, что само это сообщество осознавало себя именно как религиозно-политическую общину или орден, а не как школу или философское общество, образцом которой станет, к примеру, Академия Платона или другие философские школы — стоики, эпикурейцы и т. д. В общинах Пифагора — нужно иметь в виду, что это была целая сеть религиозных организаций — существовала общность имущества, то есть отсутствовала частная собственность, поскольку Пифагор не уставал повторять, что «у друзей — всё общее, и дружба есть равенство». После того как человек изъявлял желание вступить в общину, Пифагор (если это была его община), по сообщению Ямвлиха, лично осматривал каждого и подробнейшим образом изучал человека — как с виду, так и в отношении психических реакций. Он наблюдал, как и когда он смеется, что и как говорит, отчего огорчается и чему радуется, он исследовал его мимику и жестикуляцию, походку, осанку, внешность, телодвижения, полагая, что все эти, как бы мы сказали, несущественные и случайные свойства, являются неоспоримыми и безошибочными свидетельствами о внутренней сущности характера человека.

Такой способ определения характера по его внешним проявлениям называется физиогномикой, которая имела широкую популярность начиная с Античности и вплоть до начала 20 в., когда была подвергнута серьезной научной критике. Тем не менее нельзя отрицать и того, что «судя по одежке», то есть по поведению человека, по его выражению лица и манерам, о человеке действительно можно многое сказать, и все мы в той или иной степени, порою совершенно неосознанно, грешим тем, что оцениваем людей и составляем себе представление об их личности именно на основе такого внешнего и, разумеется, в большинстве случаев совершенно ошибочного «метода», и связано это не с тем, что «метод» этот плох, но в первую очередь с тем, что мы недостаточно проницательны. После того как претендент проходил проверку, его ждало еще три года испытаний, во время

которых проверялось усердие новичка в любви к мудрости и его готовность презреть мирские блага (богатство и славу). Когда и этот трехлетний искус был пройден, следовало пять лет пребывания в полном молчании. Именно на этой ступени частная собственность претендента переходила во владение общины и передавалась специальным администраторам, имеющим опыт хозяйственной деятельности, которые назывались политиками.

На протяжении трех лет испытаний и пяти лет обета молчания претендентам не позволялось видеть Пифагора, поэтому они слушали его поучения, когда он находился за специальным занавесом.

В течение всего этого времени претенденты считались акусматиками, то есть слушающими изречения (ἀκουσμα), когда же испытания заканчивались, они становились эзотериками и математиками (μάθημα — знание), то есть познающими тайное учение, и могли беспрепятственно лицезреть учителя и наслаждаться беседами с ним. Если же человек «срывался» на последнем этапе и не выдерживал обета молчания, то ему возвращали его имущество в двойном размере и изгоняли из общины. Затем такому человеку устраивали символические похороны как умершему для дела философии и ставили надгробный памятник, то есть, как бы мы сказали теперь, «ставили крест», и забывали о нем.

Слушающие (акусматика), познающие (математики) и пифагорейские символы (акусмы)

Существует довольно устойчивое мнение, подкрепленное рядом позднеантичных свидетельств, что пифагорейская философия существовала в двух формах — эзотерической и экзотерической. Последней — доступной для всех — философией занимались акусматика, которые по каким-либо причинам не могли всецело подчинить свою жизнь Пифагору и его общине, тем не менее изъявляли желание причаститься его мудрости. Акусматика занимались философией, как бы мы сейчас сказали, догматически — то есть без рефлексии и анализа, они просто воспринимали изречения Пифагора как божественные заповеди, не размышляя особо над ними, но принимая исключительно как руководство к действию. О всем сказанном Пифагором, без упоминания его имени, говорилось так: «Сам сказал» (αὐτὸς ἔφα, ipse dixit). Считалось, что чем больше подобных изречений (то есть символов, или акусм) усвоит адепт, тем более мудрым он будет, проблема лишь в том, что акусматика усваивали только внешнюю сторону символа (иносказания), его практическое значение. Второе же — тайное значение — предназначалось только для посвященных, и какое-либо развитие пифагорейской философии, скорее всего, могло иметь место только среди так называемых математиков, пытающихся осмыслить рациональную составляющую пифагорейского символа. Символы, в свою очередь, распределялись по трем рубрикам, отвечая на три основных вопроса: 1. Что это такое? 2. Что лучше всего? 3. Что можно делать, а чего нельзя? Вот некоторые примеры символов:

1. Вопрос: Что такое острова блаженных?

Ответ: Солнце и Луна.

2. Вопрос: Что самое прекрасное?

Ответ: Гармония.

3. Вопрос: Что делать?

Ответ: Родить детей, ибо нужно оставить потомство, которое будет служить богу.

Как нетрудно догадаться, третий вид изречений, отвечающий на вопрос, что делать и не делать, в среде акусматиков был самым многочисленным. Вот самые популярные из них, и пусть читатель сам решит, какой можно приписать всему этому смысл, помимо указанного, так как уже в Античности никто не знал толком, при каких обстоятельствах это было сказано и что означало, но существовало лишь множество предположений.

- не прикасаться к белому петуху (ибо он посвящен Луне и указывает время);
- через весы не перешагивай (то есть не будь алчным);
- не употреблять в пищу горох и бобы (послушаем Порфирия: «если боб разжевать и жвачку выставить ненадолго на солнечный зной, а потом подойти поближе, то можно почувствовать запах человеческой крови; если же в самое время цветения бобов взять цветок, уже потемневший, положить в глиняный сосуд, закрыть крышкой и закопать в землю на девяносто дней, а потом откопать и открыть, то вместо боба в нем окажется детская голова или женская матка»);
- не преломлять хлеб (ибо раньше люди ели от одного куска хлеба, что делало их сплоченными);
- ласточек дома не держи (то есть не принимай болтливых гостей);
- уходя, не оглядывайся (то есть умирая, не цепляйся за жизнь);
- не прикасайся к священным рыбам (так как они посвящены богам);
- животных не губи (потому что у них есть душа);
- огня ножом не вороши (то есть не раздражай гневливого человека);
- с женщиной, носящей золотые украшения, ради деторождения в сексуальную связь не вступай (no comments).

Математики же, соблюдая, вероятно, акусмы в своей практической жизни, изучали пифагорейскую философию в комплексе следующих дисциплин: арифметика, астрономия, геометрия и музыка. В этих науках мы видим зарождение того, что впоследствии станет риторическим квадриумом, составляющим наряду с тривиумом так называемые семь свободных искусств, о которых мы говорили в другом месте. Скорее всего, именно у математиков, среди которых были такие видные ученые, как Архит, Алкмеон, Тимей, Феодор, Филолай и др., пошел интеллектуальный крен в сторону придания учению Пифагора все возрастающей научной рациональности, несмотря на их бесконечные утверждения, что всё изучаемое ими уже было сказано самим Пифагором, а они, мол, всего лишь его разъясняют.

Математическое знание пифагорейцев было тайным учением, содержание которого разглашать категорически запрещалось.

В этом отношении оно было схоже с тем сакральным знанием, которое посвященные получали во время Элевсинских или Орфических мистерий, о которых мы практически ничего не знаем. В то же время о пифагорейской науке мы знаем немало, и всё это благодаря тому, что произошла утечка информации, за которую, как считается, в ответе Филолай, написавший спустя полвека после кончины Пифагора сочинение «О природе», в котором он и разболтал все секреты тайной науки, дополнив ее собственными прозрениями и открытиями.

У пифагорейцев существовала одна знаменитая акусма, которая звучала так:

Вопрос: Что самое мудрое?

Ответ: Число.

Если мы не хотим довольствоваться этим ответом, как сделали бы правверные акусматикки, но хотим понять, что за этим ответом кроется, то нам, как и подобает подлинным математикам, совершенно необходимо ознакомиться с совершенно беспрецедентной в истории мысли теорией чисел.

Пифагорейское учение о числе и музыкальной космической гармонии

Пифагорейцы, занимаясь математическими науками, которые должны были объяснять мир, в отличие от прежних философов, рассматривающих в качестве начала кто воду (Фалес), кто огонь (Гераклит), воздух (Анаксимен) и т. д., положили в основание всего сущего Число, поскольку числа и их отношения лежали в основании самих этих наук. Аристотель в «Метафизике» сообщает, что у пифагорейцев «число принимается за начало ($\alpha\rho\chi\eta\nu$) и в качестве материи ($\upsilon\lambda\eta\nu$) для вещей ($\tau\omicron\iota\varsigma\ \omicron\upsilon\beta\sigma\iota$), и в качестве выражения для их состояний и свойств, а элементами числа они считают чет и нечет». Здесь Аристотель затрагивает серьезную философскую проблему, а именно проблему онтологического (бытийного) статуса математических (геометрических) объектов, актуальную и по сей день.

В самом деле, спросим себя, *где* и *как* существует число? Мы знаем, где существует цифра как знак числа (на любой поверхности, где ее можно написать), равно как мы знаем и то, где существует буква (там же; не будем забывать, что греки в качестве цифр использовали буквы, и только арабы придумали современную числовую символику. Так, 1 — α' , 2 — β'

и т. д.), но где существует само *значение* числа? Не вдаваясь в эту интереснейшую проблему, ответим пока так, как мы и привыкли обычно думать об этом: значение числа, равно как и значение той или иной буквы, существует в нашем сознании, в то время как во внешнем мире существуют только вещи (понимаемые предельно широко) и их взаимодействия, к которым мы и прилагаем числовые и количественные отношения, равно как и названия. Но ведь Аристотель говорит совсем другое — что число, согласно пифагорейцам, это тот *материал* (ὑλη — изначально *лес, древесина*), из которого состоят вещи (τὰ ὄντα — *сущее*), подобно тому как деревенский дом состоит из деревянных досок, а молекулы состоят из атомов. Поэтому мы не очень отдалимся от истины, если будем понимать число как изначальное тело, количественная определенность которого производит качественную определенность всех остальных тел.

Однако нужно учесть еще и то, что пифагорейцы были совершенно чужды какому-либо числовому инструментализму, иными словами, не числа и их отношения должны объяснять явления этого мира, но, наоборот, последние должны объяснить всецело таинственную, божественную и мистическую природу числа, которое одно только и придает смысл феноменам.

Такое понимание числа было эксплицитно выражено в пифагорейском учении о гармонии — учении, которое что тогда, что ныне, в первую очередь применялось к музыке. Несмотря на то что об античном музыкальном искусстве нам известно крайне мало, несомненно одно — музыка была, пожалуй, самым почитаемым искусством в Античности, ей посвящалось великое множество научных трактатов (из которых до нас дошло лишь несколько), изобретение музыкальных инструментов приписывалось богам, музыка лежала в основе так называемого мусического (общего и начального) образования, а воздействие музыки на человеческое сознание и нравственность рассматривались как столь существенное, что Платон в «Законах» прямо говорит: «воспитанный человек должен уметь прекрасно петь и плясать». Такое внимание к музыке связано с тем, что она оказывает на человек прямое — нерефлексивное и даже инстинктивное воздействие, откуда проистекает также и ее опасность: музыка, к примеру, может очищать нравы и сознание, воодушевляя и побуждая к благим помышлениям, но с тем же успехом музыка может ввергнуть человека в состояние деструктивного и самодеструктивного неистовства, равно как и погрузить во всецело транквилизаторное состояние безразличного релакса. И здесь, как указывает Буркерт, мы наблюдаем удивительный «парадокс, что музыка, будучи самым стихийным выражением психической активности, в то же время допускает, и даже требует, в отношении себя самого строгого математического анализа». И именно такой анализ впервые был выполнен пифагорейцами, в результате которого они пришли к утверждению трех фундаментальных положений своей музыкальной теории:

1. Музыка имеет всецело математическую и числовую структуру.
2. Музыка формирует этос (нрав) и, следовательно, является фундаментом моральной рефлексии — этики.
3. Законы музыкальной гармонии экстраполируются на законы функционирования Вселенной (Космоса), что выражается в учении о «гармонии небесных сфер».

Исследуя музыкальную гармонию, пифагорейцы обнаружили, что в основе качественных различий звуков лежат количественные различия длины струны или флейты. Если длина струн имеет отношение 1:2, то дифференциация тонов называется октавой, если 3:2 — квинтой, а 4:3 — квартой. В таких числовых пропорциях музыкальные интервалы являются благозвучными, или консонантными, если же числовые отношения иные, то музыкальные интервалы будут неблагозвучными, или диссонансными, при этом сам музыкальный строй до сих пор носит название пифагорейского. Вдобавок к этому пифагорейцы заметили, что

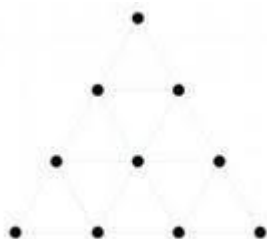
не только в случае музыкальных инструментов, но и в основе генерации любого звука вообще лежит движение и соприкосновение тел друг с другом, при этом размеры, скорость и другие характеристики тел, их движений и взаимодействий напрямую связаны с качественной определенностью издаваемого ими звука.

Но ведь очевидно, что небесные тела тоже движутся, причем движения их столь точны, размеренны и совершенны, что логично предположить, что и они тоже издадут звуки, причем последним негоже имитировать звуки, извлекаемые людьми при помощи музыкальных инструментов — хоть и приятные, но всегда несовершенные.

Наоборот, они должны собираться в какую-то совершенно недостижимую и божественную космическую музыку или даже симфонию (συμφωνία — созвучие). Вот что пишет об этом Аристотель в своем трактате «О небе»: «Некоторые (то есть пифагорейцы. — Прим. авт.) полагают, что движение столь огромных тел по необходимости должно производить звук, поскольку его производят земные тела, ни по размерам, ни по скорости движения не сравнимые с небесными. И если Солнце, Луна и все звезды, столь большие по числу и величине, движутся с такой скоростью, то не может быть, чтобы они не производили звука величайшей силы». Если этот звук столь мощен, почему же мы его не слышим? «Они, — продолжает Аристотель, — объясняют это тем, что звук присутствует с самого нашего рождения и потому неотличим от противоположной ему тишины: ведь звук и тишина распознаются по их отношению друг к другу. Поэтому с людьми происходит то же самое, что и с кузнецами, которые вследствие привычки к грохоту его не замечают».

Порфирий же в комментарии к «Гармонике» Птолемея приводит слова пифагорейца Архита, который говорит, что звук этот столь мощен и силен, что просто «не в состоянии проникнуть к нам в ухо, подобно тому, как если вливать много жидкости в сосуд с узким горлышком, то ничего не вливается». Как бы там ни было, пифагорейцы, как пишет Аристотель, «всю вселенную признали гармонией и числом», а мы, стало быть, с самого рождения пребываем внутри чудесной космической музыки, тождественной тишине, — гармонии, имеющей в своей основе числовую структуру, ибо всякая гармония, как мы уже знаем, суть число и его отношения.

Числовая гармония Вселенной соотносится с Тетрактидой (Τετρακτίς — четыре, четверица) — священным пифагорейским фигуральным числом, наделенным божественными функциями, которое использовали даже в клятвах, как использовали в клятвах имена богов. Это число имело свою иконографии и изображалось обычно в виде равнобедренного треугольника, состоящего из десяти точек.

В наиболее общем смысле числовой символизм этой фигуры у пифагорейцев выражал принцип космической справедливости и, будучи всеобщим, проявлялся, детерминировал и интерпретировал все явления во всех сегментах сущего. Каждая сторона этого треугольника имеет четыре точки, что соответствует четырем временам года, четырем возрастам человека, четырем сословиям, четырем материальным стихиям мира, четырем

сторонам света, четырем добродетелям и четырем основным наукам (квадривий). Каждая точка этого треугольника, взятая отдельно, тождественна единице. Две точки и связь между ними является линией в геометрическом плане и двойкой в арифметическом. Три точки и их сочетания образуют плоскость и число три соответственно. Добавление к плоскости еще одной точки-единицы дает в сумме первую и самую устойчивую объемную фигуру — пирамиду. Таким образом, алгоритм *точка (1) → линия (2) плоскость (3) → фигура (4)* представляет собой постепенное имманентное разворачивание четверицы, выраженное в законченном числовом ряде, равном десяти ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$) и соответствующем количеству точек в священном треугольнике. Декада (δέκας — 10), в свою очередь, лежит в основе десятиричной системы исчисления и представляет собой законченный числовой цикл, ибо для того, чтобы считать дальше, всегда нужно возвращаться к числам, входящим в этот числовой ряд, так как в этой системе исчисления не существует числа, пребывающего по ту сторону декады. Декада лежит в основе астрономической теории Филолая — того самого, который за две тысячи лет до Коперника сказал, что солнце не вращается и никогда не вращалось вокруг земли, чем заложил основы гелиоцентрической системы, развитой Аристархом Самосским (3 в. до н. э.) и впоследствии на тысячелетия подавленной ложной геоцентрической системой Аристотеля—Птолемея. Тем не менее Солнце тоже не находится у него в центре вселенной, а находится там не что иное, как Гестия — вселенский очаг, который является также матерью богов и «домом Зевса» (мы помним, что в здании городского совета Афин — пританее — был алтарь Гестии, где горел вечный огонь, поскольку богиня Гестия была также покровительница городской общины) (см. Стобей. «Мнения философов»).

Вокруг Гестии «водят хороводы» Противоземля (Αντίχθων — антиземля), собственно Земля, Солнце, Луна и те пять планет, о которых знали в Античности: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.

Вместе получается 10. И всё вроде бы замечательно, но вышла незадача. Дело в том, что в те времена с поверхности Земли можно было наблюдать только девять небесных сфер (семь планет, сферу неподвижных звезд и саму Землю), однако, не желая изменять принципу декады, пифагорейцы, по словам Аристотеля, придумали «еще одну Землю — Антиземлю, как они ее называют, не ища теорий и объяснений, сообразных с наблюдаемыми фактами, а притягивая за уши наблюдаемые факты и пытаясь их подогнать под какие-то свои теории и воззрения». Не будем строго судить пифагорейцев за их теоретические натяжки. Вернемся лучше к акусам Пифагора и попробуем прочитать их уже не как акусматиков, но как знающих математики. Теперь мы знаем, почему Число — самое мудрое, но вот еще одно загадочное пифагорейское изречение:

Вопрос: Что такое дельфийский оракул?

Ответ: Четверица, и этот оракул есть гармония.

Пусть читатель еще раз даст себе труд самостоятельно подумать, учитывая всё вышесказанное, почему прорицалище Аполлона в Дельфах, что у подножия Парнаса, Пифагор называл Четверицей (Тетрактидой) и гармонией.

Эпилог

В наш бурный и, по словам поэта Уистена Одена, беспокойный век (The Age of Anxiety), обрела свое рождение совершенно невиданная доселе вселенная — виртуальная, которая в самой своей сущности (если только она у нее есть) содержит число и его отношения, содержит в качестве своей материи и формы — например элементарный бинарный код

1 и 0, который благодаря ежесекундным миллионным цифровым комбинациями, производимым нашими процессорами, создает всё более и более сложные языки и объекты, на которых и при помощи которых говорит эта реальность, говорит от имени некоего виртуального Субъекта будущего (а будущее уже наступило), под которым мы понимаем искусственный интеллект во всей своей целокупности, созданный неумолимой логикой гармонии цифр и их отношений, — (анти)божественный интеллект, приход коего, возможно, предсказал уже Пифагор...